

РОМАНС О ЛЮБВИ

ЖИВЕТ НА СЕЛЕ МУЗЫКАНТ...

«Мы были на практике в колхозе, в клуб зашли от скуки — чего особенного ждать от сельской самостоятельности? И вдруг услышали такое исполнение, что не на всяком профессиональном концерте посчастливится встретить. Очень обаятельный певец Виктор Куров! Интересно узнать, кто он?».

(В. Тимофеев, А. Васильева, Т. Кодица — студенты Великолукского сельхозинститута).

ХОЛОДНЫЙ и, похоже, затяжной дождь стер с неба теплые тона, но зато на земле, в сером рассеянном свете ярче обозначились краски осени. Ворохи желтых и оранжевых листьев напоминали о ласковом, быстро промелькнувшем лете.

В доме было уютно — от хорошо натопленной печки шло живительное тепло, звуки пианино и слова песни находили к сердцу самую короткую дорожку.

«Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца.
Ряд волшебных изменений
Милого лица...»

Фетовские стихи тревожили чем-то забытым, дорогим. И еще, наверное, тем, что каждый человек постоянно носит в душе, — ожиданием. Чувства как бы усиливались мягкими звуками пианино, мелодией, которую исполнял сам композитор.

У Виктора красивые длинные пальцы профессионального музыканта. А голос — душевный, доверительный. И удивительные глаза: умные, немного грустные и очень живые.

Мы знакомы уже третий год, с тех пор, как Виктор появился в Бежаницах на практике. И этот домашний концерт — дань общему увлечению, о котором Пушкин сказал, что из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь — мелодия.

— Этот романс я написал здесь, — смущенно рассказывает Виктор и снимает руки с клавишей. — Когда первый раз увидел ее, кажется, сказал ей какой-то комплимент, а она посмотрела, как королева. С ее красотой только так и смотреть. Конечно, глупо было начинать с банального комплимента, но и о чем-то значительном, еще не познакомившись, не заговоришь.

Как удивительно порой складывается человеческая судьба! Когда Виктор ехал на дипломную практику, товарищи по институту культуры сочувствовали: «Как-то ты вынесешь эти два месяца, ведь там такая глухомань».

А вышло так, что после практики он, коренной ленинградец, попросил направление в Бежаницы. Скучать в этом поселке не пришлось. Наоборот, не хватало времени. Создал вокально-инструментальный ансамбль. Скоро он завоевал славу во всей области. С ансамблем этим выступал не раз по телевидению. А еще лекции по музыке в университете культуры, хор в музыкальной школе, веселые агитбригадовские концерты.

Однажды выступал с концертом. Он пел, как всегда, самозабвенно, переживая каждое слово, малейшую интонацию песни. И вдруг увидел ее лицо, большие, заинтересованные и даже восторженные глаза. После концерта затормозил в зал, но его сразу же обступили колхозники. Виктор рассеянно отвечал на их вопросы и видел, как к ней подошел какой-то парень. И она прошла мимо...

В комнате, где мы сидим, по-осеннему сумеречно. Слышно, как тонко позванивает по подоконнику дождь, мягко шелестит в опавших листьях. Но вот длинные пальцы Виктора снова касаются белых и черных клавиш, будто

нащупывают мелодию. И вдруг в комнату словно врывается ветер — веселый, теплый, задорный, такой аует летом где-нибудь на лесной опушке.

«Любимой Родины просторы,

Как вшей насладиться красотой...»

За эту песню в Ленинграде на конкурсе самодельных композиторов Виктор был отмечен. Сам написал слова и музыку.

Увлечение началось у него с детства. И, наверное, наследственное. У матери был чистый высокий голос, и в песню она умела вложить душу. Отец, по ее рассказам, играл на многих инструментах. Виктор отца не помнит — он родился в сороковом, а отец погиб, защищая Ленинград, в сорок первом...

Дорога к музыке сына солдатской вдовы была нелегкой: ремесленное училище, сталелитейщик на заводе имени Ленина, работа в армейском ансамбле песни и пляски, в филармонии, на радио... Виктор очень много трудился, чтобы купить пианино. Но, осуществив мечту, Виктор с горечью понял, что он в музыке дилетант. И уже зрелым человеком решил поступить в институт культуры.

По окончании института Курову предложили неплохую работу в Ленинграде. Но, когда он попал в Бежаницкий район и увидел кудверские озера, леса и холмы, то «заболе» Псковщиной.

— Раньше представление о деревне было смутное, — вспоминает Виктор. — А теперь с каждым днем я убеждаюсь, какой неистощимый источник в народе и доброты, и поэзии, и музыкальности.

Я слушал Виктора, и мне вспомнилось, как однажды с агитбригадой приехали мы в дальнюю деревню. Лил дождь, на улице была слякоть, а в клубе народу полно. Некоторые пришли пешком за несколько километров. Уже на крыльце самые нетерпеливые спрашивали: «Виктор Куров здесь будет?».

И он пел. Даже те песни, которых не было в программе. Да разве откажешь бывшему фронтовику исполнить незабываемую песню про огонек? После концерта у людей этого отдаленного колхоза были счастливые лица. Для них, только что завершивших труднейшую крестьянскую страду, вечер стал праздником.

— Это были, знаете, незабываемые, радостные дни, мы почти каждый день мотались с агитбригадой по колхозам... Счастливые дни. Тогда я и написал романс.

Виктор замолчал, и снова за окном шелестел грустный осенний дождь. И как-то плавно, естественно его звуки перешли в музыку. Пальцы будто ласкали клавиши, и голос не пел, а словно возникал из глубины души, как воспоминание.

«Шепот, робкое дыханье,
Треби соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья...»

Однажды они встретились.

Этот день стал праздником. А после него опять потянулись обычные дни, бесконечные репетиции с ансамблем, концерты в колхозных клубах, возвращение в холодную пустую комнату. И сомнения.

...Мы идем с Куровым по главной бежаницкой улице. Дождь все также нудно сочится с неба, только теперь он не поет, а назойливо стучит по зонтику. У тротуара сиротливо стоят голые тополя. Из кустов выбегают с визгом мальчишки. Виктор бескомпромиссно говорит им:

— Ну, разве можно без шапки? Скорее в класс, к печке! Сейчас я вернусь и начнем репетировать... Это мои, из музыкальной.

Н. НОВИКОВ,

соб. корр. «Псковской правды».